

«Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка

текст
**Виктор Дятлов,
Роман Кузнецов**

фото
Хадичи Дулатовой, 2002

текст печатается по изданию: Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность: исследования и материалы. Вып. 5. – М.; Иркутск: Наталис, 2005. – 320 с. (Проект «Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе»)

Исторически сложилось так, что в России слово Шанхай, помимо своего прямого значения, несет важные дополнительные смыслы и коннотации. То, что это название крупнейшего китайского города – знают, наверное, все. Одновременно, уже с прописной буквы, это и символ Китая, и образ чудовищной людской скученности и нищеты. В начале XX века многие российские города обзавелись собственными «шанхаями» – трущобными пригородами. «Копай», «самострой», «наخالовка», «Шанхай» стали отечественными синонимами экзотичных зарубежных фавел и бидонвилей¹.

Эти значения уже начинают входить и в современные толковые словари. Вот несколько соответствующих словарных статей:

Шанхай – 1. Притон. 2. Хаотично застроенная окраина города, поселок.

Шанхай, -я, Шанхайчик, -а, м. 1. Пивная (обычно многолюдная, без сидячих мест). 2. Трущобы, густонаселенный район. Ср. уг. в зн. притон; от назв. города с многомиллионным населением (КНР)².

Глубоко символично, что возникший в начале 1990-х годов в Иркутске китайский рынок, сразу вошел в сознание горожан и их лексикон как «Шанхай» или «шанхайка». Возможно, в этом, теперь уже ставшем русским слове, слились все накопленные в предыдущую эпоху значения – «китайскость», трущобность, скученность и многолюдство.

Возникнув незаметно, как результат технических мер городских властей по упорядочению уличной торговли, рынок быстро стал многим больше, чем обычная торговая площадка. Это не просто мелкооптовый рынок, каких в Иркутске много и без регулярных походов на которые, сейчас трудно представить жизнь низших и части средних слоев провинциальных россиян. Через «шанхайку» в Иркутск вошел Китай. Вошел в его обыденность и повседневность, стал неотъемлемой составной частью экономической жизни, быта, общественного сознания. Если вдуматься, теперь это основное место встречи цивилизаций и культур. Место и механизм их взаимного узнавания и привыкания. Одновременно, это предмет головной боли городских властей, их тяжелейшая управленческая

задача. К «шанхайке» обращено постоянное, пристальное, и часто не очень доброжелательное, внимание иркутской прессы. Это излюбленный объект риторики многих местных политиков, видящих в «шанхайке» символ «китайской экспансии» и «желтой опасности».

В общем, теперь – и, скорее всего, очень надолго, это невралгический центр жизни города и области. А если учесть, что аналоги «шанхайки» появились в большинстве крупных городов Сибири и Дальнего Востока, что вокруг них также сформировались клубки серьезнейших проблем и противоречий, то странно, что они не стали пока предметом пристального внимания исследователей. Редкое исключение – небольшой, но насыщенный очерк о китайском рынке в Уссурийске³.

История создания и развития рынка

Когда в конце 1980-х годов в Иркутск стали в большом количестве прибывать китайцы, граждане КНР, это стало для горожан «культурным шоком». Появился совершенно новый этнический, культурный и экономический элемент, возник неожиданно и стремительно – и оказалось очень трудным делом соотносить себя с ним, выработать отношение, модель поведения, стереотип.

Большинство китайцев занимались мелкой розничной торговлей с рук, причем предпочитали делать это прямо на центральных улицах города. В начале 90-х годов иркутянину, попавшему в центр города, могло показаться, что его полностью заполнили (по выражению некоторых журналистов – оккупировали) югайские корабельники. Они бросались в глаза внешним видом и манерой поведения, заслоняя собой многочисленных конкурентов из числа иркутян и мигрантов с Кавказа. Массовая торговля с рук на не предназначенных для этого улицах создавала там жуткую толчею и антисанитарию. Ни о каком лицензировании и взимании налогов не могло быть и речи. Процветал рэкет, мошенничество, были нередки конфликты. Бурно протестовала общественность, не оставалась в стороне пресса, публикуя саркастические или гневные заметки⁴.

После периода некоторой растерянности, городские власти решили выдавить уличную торговлю на специ-

¹ В дореволюционном Иркутске был трущобный пригород, называемый Порт-Артур (Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. Иркутск, 'Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. С. 73.)

² Балдаев Д. С. Словарь бланного воровского жаргона. В 2 томах. От Р до Я. М., Кампана, 1997; Епистратов В. С. Словарь московского арго (материалы 1980-1994 гг.). М., Русские словари, 1994. С. 561; http://slovari.gramota.ru/portal_sl.html?d=elistratov&s=uaHxafi

³ Тренин Д. Витковская Г. Введение // Московский Центр Карнеги. Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор. М., 1999. С. 7-8.

Вид со стороны Входа-Иерусалимской церкви

ально отведенное место. Собственно, выбор этого места и предопределил успех дела. Под новый рынок отводилась территория разорившейся сапоговаляльной фабрики в исторически сложившемся торговом центре города, рядом с Центральным рынком. Здесь сходятся большинство транспортных маршрутов. Сюда поколениями привыкали приезжать за покупками. Уйдя на эту площадку, торговцы не отрывались от потенциальных покупателей, более того, они смогли расширить свою клиентуру.

Рынок был создан в начале 1993 года, а уже к лету на нем постоянно работало 500-600 продавцов. Их средне-месячная выручка (по расчетам Облстатуправления) достигала 2-3 млрд рублей, что равнялось месячному товарообороту всех официально зарегистрированных торговых предприятий центрального, торгового района Иркутска⁵. Вначале рынок выглядел вполне первозданно – огороженная забором и засыпанная гравием площадка, прямо на которой и раскладывались нехитрые товары. Уже через несколько месяцев была создана некоторая инфраструктура: ряды прилавков, навесы над ними, примитивные туалеты, камера хранения. К весне 1995 г. число рабочих мест (погонный метр прилавка) на рынке выросло до 1200, ежедневное число покупателей колебалось от трех до восьми тысяч в зависимости от сезона и дня недели. Обслуживало рынок сорок восемь человек⁶.

В 2000 г. на территории 0,92 га располагалось уже 2500 торговых мест. Однако в 2002 г. пожарные власти, после неоднократных предупреждений, на некоторое время закрыли рынок. По сообщениям безопасности, они требовали расширить проходы между рядами, убрать часть прилавков. По их оценке, количество мест вдвое превышало допустимые пределы. После принятия самых неотложных мер (ремонт электропроводки, вывоз мусора, ликвидация деревянных настилов) и обещания администрации рынка в течение нескольких месяцев провести серьезную реорганизацию рынок был открыт⁷.

По словам директора рынка, серьезность положения заставила сократить число мест и заменить торговые прилавки на «металлические павильоны закрытого типа» – в просторечии, контейнеры. К апрелю 2003 г. число мест сократилось до 1300, в т.ч. 982 контейнеров. Правда, по

словам чиновника городской администрации, планировалось, что один контейнер, вмещающий два погонных метра, даст и два торговых места. То есть планируемые 1200 контейнеров должны были обеспечить 2400 мест. Реорганизация шла медленно, т.к. контейнер стоимостью 20 тыс. рублей устанавливался за счет арендаторов, многие из которых не могли или не хотели тратить такие большие деньги⁸. Сокращение числа мест затрагивало интересы многих людей и сопровождалось серьезными конфликтами.

Рынок функционирует не только как розничный, но и как мелкооптовый. По пятницам и субботам со всей области (вплоть до далеких северных Братска и Усть-Илимска) сюда съезжаются на автобусах предприниматели для закупки товаров партиями. О масштабах закупок косвенно свидетельствуют данные криминальной статистики – бывали случаи, когда карманникам доставались суммы в десятки тысяч рублей и тысячи долларов⁹.

За эти годы на рынке и вокруг него сложилась развитая обслуживающая инфраструктура. С первых же дней остро стояла проблема обеспечения безопасности. Уже в 1994 г. был установлен милицейский пункт и введено две дополнительные ставки участковых инспекторов. К 2003 г. помимо милицейских нарядов функции обеспечения безопасности осуществляло охранное агентство «Авангард-Секьюрити» (25 человек). За чистотой следят 22 дворника. Функционируют камера хранения, несколько платных общественных туалетов. В соседних с рынком домах и усадьбах открыта масса незарегистрированных частных столовых, кафе, общественных туалетов. Их регулярно закрывают санитарные власти, но они так же регулярно возрождаются. Имеется парикмахерская, фотография, платный переговорный пункт. Открыт стоматологический кабинет. Есть бильярдная, залы игровых автоматов. Регулярно организуются собачьи бои. Функционирует нелегальное казино, с которым безуспешно борется милиция и налоговые органы. По сообщениям иркутских газет, оно прекрасно оборудовано и доходы его могут достигать до сотен тысяч рублей в день¹⁰. В марте 2004 г. правоохранительные органы раскрыли подпольное предприятие по изготовлению поддельных документов для торговцев

⁴ См. например: Советская молодежь, 1989, 6 августа; 1992, 27 июня, 3 ноября.

⁵ Восточно-Сибирская правда, 1993, 7 июля

⁶ Лыкова М. Время «челноков» на исходе // Вечерний Иркутск, 1995, 2 февраля.

⁷ АС Байкал ТВ, 2002, 3, 4 сентября; Курьер 2002, 5 сентября.

⁸ Иркутская торговая газета, 2003, 15 апреля; Пятница, 2002, 24 мая.

⁹ Иркутск, 2003, 18 апреля; Комсомольская правда-Байкал, 2002, 27 сентября.

¹⁰ Иркутская торговая газета, 2003, 15 апреля; Videоканал. 2001, № 36; СМ-Номер один, 2001, 22 июня; Пятница, 2002, 11 октября; АС Байкал ТВ, 2003, 26 февраля; 29 апреля; Копейка, 2002, 27 сентября; Комсомольская правда-Байкал, 2002, 27 сентября. СМ-Номер один, 2000, 18 августа.

фото
Хадичи Дулатовой 2002

фото
Жан Радвани 2010

¹¹ Пятница, 2002, 1 февраля;
Иркутск, 2002, 22 февраля.

¹² Пятница, 2002, 1 февраля;
24 мая.

¹⁴ Пятница, 2002, 1 февраля;
Известия-Иркутск, 2003,
8 мая.

¹⁵ Кузнецов Р. О бедном
китайце замолвите слово //
Пятница, 2000, 10 марта.

¹⁶ Коммерсантъ – Восточная
Сибирь, 2003, 7 марта

¹⁷ Восточно-Сибирская
правда, 2002. 18 сентября;
СМ-Номср один, 2000,
12 октября.

рынка. При этом, однако, до сих пор здесь нет медпункта, а самое главное, нет системы канализации и водопровода¹¹.

Одновременно на рынке могут находиться 20 тыс. человек, а дневная посещаемость его колеблется, в зависимости от сезона и дня недели, от 10 до 30 тыс. человек¹². Ни один рынок Иркутской области такой пропускной способностью не обладает.

С момента основания «Шанхай» принадлежит городу и обладает статусом муниципального учреждения. В 2002 г. была проведена перерегистрация, т.к., по словам городских чиновников, до этого статус был не совсем верно оформлен. С того времени официальное название «шанхайки» звучит так: «Муниципальное учреждение по управлению муниципальными торговыми имущественными комплексами Кировского района города Иркутска». Торговые места сдаются в аренду – на день, месяц или год. С февраля 2002 г. дневная стоимость торгового места на открытом прилавке была повышена с 65 до 80 рублей (при оплате вперед и сроком на месяц). Однодневная оплата – 100 руб. Место в контейнере оценивается в 240 рублей¹⁵.

Поступления в городской бюджет только от арендной платы составляли: в 1998 г. – 25,3 млн, 1999 г. – 24,4 млн, 2000 г. – 34,3 млн, 2001 г. – 46,3 млн (при плане 33,8 млн.), 2002 г. – 30 млн рублей¹⁴.

Что такое «шанхайка» для города?

Один из ответов на этот вопрос – приведенные выше цифры. Доля рынка в пополнении бюджета города весома (доходная часть бюджета составила в 2002 г. 3592 млн руб., на 2003 г. она была запланирована в 3758 млн руб.). Кроме того, выплачиваются налоги – как самим «муниципальным учреждением», так занятыми на нем людьми. Это не только арендаторы. Вокруг рынка сложилась большая сфера обслуживания, где занято много иркутян. Помимо не очень значительного штата, это нанятые местные продавцы, персонал столовых, кафе, хозяева помещений, сдаваемых под склады и жилье, хозяева и водители автотранспорта, грузчики, охранники и т.д. В основном, конечно, это «серая» занятость, не фиксируемая властями и не облагаемая поэтому налогами. Есть

и «черная» – многочисленные карманники, рэкетеры, нечистые на руку чиновники и представители правоохранительных органов и т.д. О масштабах заработков и доходов в «сером» и «черном» секторах остается только строить предположения. Не стоит забывать о массе мелких розничных торговцев в Иркутске и за его пределами, регулярно делающих оптовые закупки на «Шанхае».

Появились примеры спроса и на высоко квалифицированные профессии. Один из авторов этой статьи взял интервью у иркутского адвоката, специализирующегося на защите прав китайских торговцев. Он так описал свою деятельность: «Свою работу по отстаиванию прав граждан Китая я начал с того, что ко мне, как адвокату, часто обращались торговцы с рынка «Шанхай». Им нужно было помочь вызволить кого-нибудь из своих соотечественников, незаконно удерживаемых в милиции или защититься от произвола налоговой полиции. Со временем, желающих получить помощь становилось все больше, и я заключил около 30 долгосрочных договоров с китайскими гражданами о юридической защите. В основном, моими клиентами были торговцы с вещевого рынка, более или менее постоянно работающие в городе. За время своей деятельности я защищал китайцев от милиции, налоговой полиции, прокуратуры области, таможни, миграционных служб, ОМОНа, РУБОПа, ОУБЭПа и даже ГИБДД»¹⁵.

В общем, «Шанхай» – это крупный, прибыльный, процветающий хозяйствующий субъект, один из флагманов формирующейся рыночной экономики города. Источник дополнительных доходов для городской казны, создатель дополнительных рабочих мест, место работы и получения доходов для многих иркутян. Но вряд ли верно определять его значение только этим. В конце концов, только рядом с ним находится еще девять мелкооптовых рынков¹⁶, пусть и не таких масштабных. Всего же в Иркутске функционирует около 40 рынков и более 2000 магазинов, киосков и павильонов¹⁷.

Уже в 1994 г. талантливая и наблюдательная журналистка писала:

«Шанхай» – это «культурный центр» моего родного города. Как все дороги ведут в Рим, так и здесь. Этот рынок – уже сам по себе – город. Город веселый. Шумный.

Неспокойный. Переменчивый... Место это по посещаемости и популярности можно сравнить разве что с концертами Аллы Борисовны (в ушедшие времена, разумеется)¹⁸.

Для того, чтобы понять причины этого, стоит мысленно вернуться в ситуацию первой половины 90-х годов. Тотальный экономический кризис, полный крах советской распределительной системы, жесточайший товарный голод, растерянность и неэффективность власти. Грань социального взрыва. Можно смело утверждать, что массовый приход китайских «челноков» с их доступными по цене товарами, на которые существовал практически неограниченный спрос, спас восточные регионы страны от катастрофы.

С первых дней своего существования «шанхайка» стала тем местом, где средний иркутянин мог одеться, обуться, приобрести товары повседневного обихода. Цены были ниже, чем у российских «челноков», торгующих теми же китайскими или турецкими товарами. Здесь можно было выбирать, торговаться, испытать неведомое прежде чувство покупателя, хозяина положения, а не бесправного и униженного получателя благ в советской распределительной системе. Масса иркутян, особенно на первых порах, посещала рынок из любопытства, осваиваясь в рыночной стихии и не испытывая при этом чувства дискомфорта и робости, как в каком-нибудь более позднем «бутике».

Уже через несколько лет ситуация стала радикально меняться. Шел бурный процесс имущественной дифференциации, быстро становилась на ноги система рыночной торговли. Исчез дефицит, потребительский рынок насыщался и дифференцировался. Монопольное положение «шанхайки» ушло в прошлое. Но сохранилась его прежняя функция «рынка для бедных». Стабилизирующая роль в регулировании цен на дешевые и массовые товары возможно даже усилилась. Многочисленные теперь конкуренты вынуждены считаться с уровнем цен у китайских торговцев, а они всегда минимальны. В силу того, что «шанхайка» стала фактически мелкооптовым рынком, куда съезжаются за товарами розничные торговцы со всей области, она является важным институтом, регулирующим цены для региона в целом. Социальное и политическое значение этого фактора трудно переоценить.

«Шанхайка» сейчас не просто торговая площадка, не только один из многочисленных мелкооптовых рынков, пусть и крупный. Это ключевой центр всей системы снабжения региона, его жизнеобеспечения. Этим он обязан нескольким факторам: массовые дешевые китайские товары, дешевый и эффективный труд китайских торговцев, разветвленная и прочная «грибница» связей и деловых взаимоотношений, стратегически выгодное место, устойчивые привычки потребителей.

Роль рынка отчетливо выявилась в кризисный, критический момент – во время дефолта 1998 года. Августовский кризис привел к резкому спаду экономической деятельности вообще, к тому, что «Шанхай» заметно опустел, многие торговцы разорились, начались перебои с поставками товаров, выросли цены, сократился спрос. Это был настоящий шок, экономическая деятельность китайских торговцев замерла. Но шок не перерос в обвал. Уже через две-три недели торговля начала оживать, хотя долго не могла достичь доавгустовских масштабов по обороту, ассортименту товаров, численности торговцев и покупателей¹⁹.

Проблемы

Масштаб связанных с рынком проблем и конфликтов адекватен его значению для города. Любопытно, что большая их часть концентрируется вокруг тех факторов, которые и создали его в нынешнем качестве и роли. Так, дешевизна товаров является фирменным знаком рынка, залогом его процветания. Другой же фирменный знак – их крайне низкое качество. То, что первое является прямым следствием второго, для общественного мнения далеко не аксиома. Одобрять дешевизну товаров, большинство иркутян резко отрицательно относится к их качеству. Соответствующий мотив входит в стандартный набор обвинений против рынка.

Китайские торговцы на рынке крайне неприхотливы, услужливы, всегда готовы торговаться и снизить цену. Они тщательно следят за конъюнктурой, динамикой спроса на товары и быстро изэффективно реагируют на меняющиеся потребности покупателей. У них довольно высокая профессиональная репутация.

¹⁸ Советская молодежь. 1994, 15 октября.

¹⁹ Подробнее см.: Дятлов В. Китайцы в Иркутске: некоторые характеристики ситуации 1998–1999 гг. // Московский Центр Карнеги. Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор. М., 1999. С. 86–89.

²⁰ Коммерсантъ-Восточная Сибирь, 2002, 7 марта; Московский комсомолец в Иркутске, 2003, 20 марта; АС Байкал-ТВ. 2003, 6 марта.; СМ-Номер один, 2002, 25 июня; Иркутск, 2003, 18 апреля.

²¹ СМ-Номер один, 1998, 22 апреля; Иркутск, 1998, 18 мая. 11 СМ-Номер один, 2000, 7 сентября; Известия-Иркутск, 2003, 26 сентября: Пятница,

²² 2003, 21 марта; Комсомольская правда-Приангарье, 2003, 24 апреля; 14 мая; Информационное агентство Baikalinfo. Новости Иркутска. Выпуск № 86 от 19 января 2004.

Однако дешевизна товаров и эффективность торговцев вызывает сложное отношение у формирующегося местного делового сообщества. Часть его получает от этого несомненные выгоды и осознает это. Но для большинства «шанхайка» и его обитатели – это конкурент, причем конкурент сильный и опасный. Вряд ли случайны соответствующие регулярные кампании в прессе, не менее регулярные попытки закрыть рынок. Иногда конкурентная борьба принимает экзотические формы. Так, в 2003 г., накануне праздника Восьмого марта, когда «день год кормит», «шахайка» подверглась неоднократным атакам «телефонных террористов». За пять дней ее эвакуировали три раза. Работа была парализована, убытки огромны. Высокопоставленный представитель городских властей так оценил ситуацию: «Приближается праздник, когда выручка рынков максимальна, и кому-то выгодно сделать так, чтобы деньги шли не в бюджет города, а в чьи-то карманы». «Основная проблема – заявил он – это проблема конкуренции. Рядом расположено еще девять рынков».

Всего за 2002 г. рынок «минировали» 76 раз, как правило по субботам²⁰.

Есть оборотная сторона медали и у крайне выгодного места расположения рынка. Это транспортные пробки и проблема транспортной безопасности на окрестных улицах. Каждый квадратный метр площади в этом районе города дорог и крайне дефицитен. Поэтому динамично растущий рынок не может расширяться. Отсюда скученность, чрезмерная нагрузка на каждый клочок земли, тесные проходы между прилавками. Пожар или террористический акт, просто паника могут привести к большему числу жертвам. Уже отмечалось, что после неоднократных предупреждений, пожарные власти рынок закрывали. Принятые меры ситуации радикально не улучшили.

До сих пор территория рынка плохо обустроена – нет обычной и ливневой канализации, водопровода. Площадка не заасфальтирована. Отсюда антисанитария – грязь под ногами во время дождей, убогие, но платные туалеты. Санитарные власти неоднократно выносили постановления о закрытии рынка, но после соответствующих обещаний администрации, отзывали эти запреты. Окончательно закрыть рынок им не дает четкое понимание того,

что тогда торговцы разбредутся по ближайшим улицам. Санитарная ситуация в таком случае окончательно выйдет из-под контроля²¹.

Отдельная проблема – система общественного питания, сложившаяся вокруг рынка. Прямо на территории, в вагончиках, в прилетающих домах действует много зарегистрированных и подпольных столовых, кухонь, кафе, закусочных. Точное их количество не знает, видимо, никто. Они не испытывают недостатка в клиентах – их продукция дешева, ориентирована на разные вкусы (есть китайская, узбекская, корейская, вьетнамская и т.д. кухня). Большинство из них действует подпольно и потому налогов не платит. Но главную беду местные власти видят не в этом. Совершающие регулярные рейды санитарные врачи с ужасом описывают, в каких антисанитарных условиях, с нарушением всех мыслимых норм, готовится там пища. Учитывая общую скученность в прилегающем районе, эти забегаловки могут стать источником масштабных эпидемий. Все попытки пресечь их деятельность, а тем более ввести их в легальное русло, заканчивались до сих пор неудачей²².

Рынок интенсивно втягивает в свою орбиту прилегающие дома, превращая их в склады товаров, ночлежки, подпольные забегаловки и притоны, а их усадьбы – в свалки мусора. Некоторые предприимчивые жильцы выстроили здесь примитивные платные туалеты для посетителей рынка. И до создания «шанхайки» этот район был трущобным, теперь же жизнь их обитателей стала невыносимой.

В последнее время в прилегающих к рынку домах регулярно вспыхивают пожары. По оценке работников пожарной охраны, с момента основания рынка до весны 2003 г. в его окрестностях было зарегистрировано более сорока пожаров и возгораний. В большинстве случаев, из-за умышленных поджогов. Виновных не находили, но и жители домов, и иркутские СМИ единодушны в том, что это форма борьбы за захват (возможно, уже передел) городской земли, которая при самых небольших вложениях обещает стать настоящей «золотой жилой». Есть мнение, что непосредственным участником этой борьбы являются и китайцы. В популярной местной телепередаче «Город»

это было сформулировано прямо и недвусмысленно: «Жители домов в районе китайского рынка опасаются за свое жилье. Они говорят, что неизвестные лица им неоднократно угрожали – просили съехать с квартир. Большинство жильцов трех домов по улице Софьи Перовской давно не живут в своих квартирах. Не только потому, что дома эти вот-вот развалятся. Жить здесь практически невозможно – это территория хоть и неофициально, но прочно оккупирована торговцами с Шанхайского рынка. Именно они здесь сегодня и хозяева, и власть»²³. Помимо всего прочего, часть этих домов являются архитектурными и историческими памятниками и находятся под защитой государства.

Рынок давно стал источником повышенной криминальной опасности для города. Это, в общем, естественно и неизбежно для места, где концентрируются огромные финансовые и товарные потоки и где на небольшом пятнышке ежедневно встречаются тысячи людей. Знаковым событием стало убийство в 1996 г. директора рынка.

«Шанхайка» – излюбленное поле деятельности карманников – и редкий пакет покупателя остается к концу его визита на рынок нетронутым. Здесь процветает мошенничество в самых разных формах – от присвоения оставленных землянками для продажи партий товаров до мелкого бизнеса некоторых ушлых иркутских пенсионеров, вымогающих у продавцов мелкие суммы под угрозой скандала и милицейского разбирательства.

Отдельная тема – рэкет. С одной стороны, она – на слуху, постоянно обсуждается. Становление мелкого и среднего бизнеса в России вообще невозможно представить вне этого фактора²⁴. Однако, по понятным причинам, реальной информации очень мало. Судя по отрывочным данным и оценкам экспертов, на первых порах это происходило в форме простого вымогательства. Затем постепенно переросло в некую упорядоченную систему. По оценке заместителя президента Иркутской ассоциации по защите китайских граждан Михаила Ли, «раньше моих землянков крышевали. Хотя это выглядело как обычное вымогательство. Когда предприниматель приезжал из Китая со своим товаром, с него брали мзду – за каждый баул по 50 долларов. Сейчас такое тоже есть, но проявля-

ется уже не так активно, как раньше. В ассоциацию часто обращаются китайские предприниматели с просьбой разобрататься с вымогателями. Но как мы можем им помочь?»²⁵.

По оценкам специалистов из наиболее заинтересованных ведомств, вслед за первыми «челноками» в Иркутск потянулись и криминальные элементы. Со временем их деятельность приобретает организованный характер – от простого грабежа соотечественников к контролю и регулированию. Уже в 1995 г. представители правоохранительных органов констатировали, что «шанхайку» контролирует три преступных группировки, состоящих из монголов и китайцев. Они постепенно сращиваются с местным криминалом²⁶.

Процесс этот протекал скрыто, прорываясь иногда инцидентами, подобными тому, что произошел в феврале 2003 г. Тогда был застрелен крупный китайский бизнесмен, начавший свою деятельность в Иркутске в 1998 г. Он вел крупные операции с лесом и металлом, владел несколькими торговыми павильонами на рынке. Представители правоохранительных органов, сообщив, что он имел несколько судимостей в Китае, называют его криминальным авторитетом, лидером организованной преступной группировки. По их оценке, он облагал данью всех китайских торговцев города. Основная версия причины этого заказного убийства – передел сфер влияния на «шанхайке»²⁷.

Значительная, а возможно и большая часть финансовых потоков на рынке находится вне контроля властей. Фискальные службы постоянно жалуются на огромные потери от массовой неуплаты налогов торговцами. По данным налоговой полиции, более 70% из них недоплачивают налоги или не платят вовсе. Причина в том, по их оценке, что «оценить объемы экономической деятельности китайских предпринимателей невозможно даже приблизительно. Ведь на таких рынках как «Шанхайка» и более мелких рыночках, где торгуют китайцы, нет ни кассовых аппаратов, ни чеков. Как проследить капиталоборот – никто не знает. Нет механизма. Более того, эти малые предприниматели не платят налогов – ни подоходного, ни на уборку территории, никаких. И еще одна трудность – налоговая инспекция не может проверить торговца в течение года,

²³ СМ-Номер один, 2003, 22 мая; Восточно-Сибирские вести, 2003, 27 мая; АС Байкал-ТВ, 2003, 4 февраля, Телевизионный выпуск новостей «Город», 2003, 6 мая.

²⁴ Волков В. Силовое предпринимательство. СПб., М., Европейский университет в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2002. 282 с.

²⁵ Иркутская торговая газета, 2003, 27 мая.

²⁶ Вечерний Иркутск, 1995, № 2.

²⁷ Копейка, 2003, 28 февраля; АС Байкал-ТВ, 2003, 22 февраля; Информ Полис, Улан-Удэ, 2003, 26 февраля.

²⁸ Восточно-Сибирская Свежая, 1999, 30 августа; Комитет по Информационной политике и внешним связям администрации г. Иркутска. О пребывании на территории города Иркутска граждан КНР и формировании в городе китайской диаспоры» (2002).

²⁹ Известия-Иркутск, 2003, 22 января.

³⁰ Что почем, 1999, 16 декабря; Московский комсомолец в Иркутске, 1999, 9 декабря.

³¹ СМ-Номср один, 2001, 1 ноября.

³² СМ-Номер один, 2001, 1 ноября; 5 ноября; 6 ноября; 12 ноября; Комсомольская правда-Байкал, 2001, 2 ноября; Коммерсантъ-Восточная Сибирь, 2001, 3 ноября.

³³ Кузнецов Р. Исповедь китайского «капитана» // Восточно-Сибирская Свежая, 2000, 14 февраля.

³⁴ Восточно-Сибирские вести, 2003, 27 мая.

³⁵ Иркутск, 2003, 18 апреля.

³⁶ Пятница, 2000, 10 марта.

³⁷ Китайский «синдикат» // Родная земля, 2001, №10, 26 марта; Богданов Л. Вымогатель в полицейском мундире // Восточно-Сибирская правда, 2001, 12 марта.

только в конце. А за это время он может «потерять» документы, даже само предприятие»²⁸.

Примерно так же оценивает ситуацию руководитель областного Управления по борьбе с экономическими преступлениями: «необходимо упорядочить торговлю на рынке “Шанхай”, чтобы все жестко контролировалось. Сегодня ни один торгующий там “челнок” из Китая не платит налоги, он лишь платит за аренду места – всего 100 рублей в день. А сколько он продал, сколько привез? Нигде не фиксируется»²⁹.

Результаты очевидны – большие финансовые потери государства, получение китайским бизнесом нечестных конкурентных преимуществ, дискредитация налоговых и правоохранительных органов.

К тому же, самоустранение государства провоцирует формирование системы теневых поборов. Тема это деликатная, сложная для обсуждения и анализа. Очень мало информации. И только в ситуациях острых и открытых конфликтов (их было несколько и они станут предметом отдельного разговора) проблема становилась предметом общественного рассмотрения. В 1999 г., когда по требованию пожарных служб, было сокращено количество торговых мест, это вызвало массовый митинг и пикетирование здания администрации рынка. Протестующие торговцы заявляли, что их лишили мест, за которые они при заключении договоров заплатили по 1,5–5 тыс. долларов. Теперь, за возобновление права на аренду места с них требуют по 5–15 тыс. рублей. Представители администрации рынка категорически опровергли саму возможность подобных поборов.

Они предположили, что сами китайские торговцы перепродают друг другу право на аренду торговых мест, причем контролирует этот процесс «китайская мафия»³⁰.

В ноябре 2001 г. произошла недельная забастовка торговцев, вылившаяся уже в несанкционированный митинг у здания областной администрации. По словам чиновника мэрии, митингующие возмущались непомерной платой. «Правда, за что они платят, кому и чем конкретно недовольны, понять так и не удалось. Моя задача заключалась в том, чтобы разъяснить порядок проведения митинга, т.е. ввести все действия в законное русло»³¹. Журналистам же бастующие говорили, что помимо официальной арендной платы, с них требуют еще по 800 долларов в год за место. Администрация рынка вновь саму возможность этого категорически отвергала и считала причиной беспорядков «нервозность» тех торговцев, у которых при очередном перезаключении договоров (1–20 ноября) выявилось «шаткое визовое положение»³².

В интервью одному из авторов статьи, крупный бизнесмен и неформальный лидер китайских торговцев рынка расценил регулярные перестановки и реорганизации как способ организации поборов. «Китайская мафия – миф, ее не существует в Иркутске. Если китайские торговцы иногда и перепродают друг другу рабочие места, то не в таком количестве и не так масштабно, как это делала дирекция рынка. Очень удобно все сваливать на бесправных и плохо говорящих по-русски китайцев, прикрываясь кознями несуществующей китайской триады»³³.

Кто из оппонентов прав и в какой мере – сказать трудно. Ясно одно – сам факт перепродажи и субаренды торговых мест (а это официально запрещено) ими признается. О масштабах теневых поборов в Иркутске ходят самые фантастические слухи. Одна из газет писала: «О баснословных доходах торговцев говорит такой факт: чтобы получить торговое место на “Шанхае”, необходимо заплатить 18 тысяч долларов»³⁴. Цифра,

конечно, запредельная, но само явление властями признается. Так, глава Правобережного округа города Н. Хиценко считает, что арендная плата на рынке явно занижена, т.к. процветает субаренда. «Что касается других рынков – комментирует журналист – то представители муниципалитета заявляют как общеизвестный факт наличие неофициальной арендной платы наряду с официальной. То есть дополнительные суммы берут с предпринимателей “черным налом”»³⁵.

«Притчей во языцех» уже стала проблема милицейского произвола и вымогательства. По мнению большинства китайских респондентов, иркутские милиционеры считают их людьми второго сорта и «дойной коровой», стабильным источником доходов. Еще совсем недавно любой служащий МВД в униформе, будь он даже пожарником, мог отправиться проверять документы у китайских торговцев на рынке и собирать штрафы. Естественно, без квитанции, бывали случаи, когда сотрудники ГИБДД снимали бляхи и шли на рынок «подзаработать». Некоторые представители силовых структур поставили дело на коммерческую основу. Предварительно договорившись с китайским посредником, они задерживали жертву. Затем, посредник сообщал ей, что за небольшую сумму можно все уладить. В последнее время отношения китайских мигрантов и милиции стали более упорядоченными. Право на проверку документов теперь строго регламентировано, поэтому, по мнению многих китайских коммерсантов, сейчас нет таких массовых поборов как раньше.

Адвокат, о котором уже шла речь в статье, рассказывал о практике, называемой китайцами «милицейским такси». К концу рабочего дня к выходу с «шанхайки» подъезжал милицейский УАЗик. Сотрудники патрульной постовой службы проверяли документы. Беспаспортных загоняли в машину и развозили по домам «для проверки паспортов». Возле общежития невольные пассажиры отдавали за «эскорт-услуги» по 50–100 рублей. Благодаря своевременному обращению к адвокату против двух сотрудников ППС по факту вымогательства возбуждали уголовные дела³⁶.

Но это – крайне нетипичное завершение распространенной и типичной ситуации. И уже совсем уникальным событием стал приговор Иркутского областного суда в отношении капитана налоговой полиции, обвиненного в грабеже, взяточничестве, вымогательстве и избивании китайских торговцев «шанхайки». Полицейский, прозванный торговцами за свой нрав «Эдиком-собакой», был осужден на восемь лет с конфискацией имущества. Национал-патриотическая газета «Родная земля» тут же опубликовала огромное письмо отца осужденного, отставного майора милиции. Суть письма – дело сфальсифицировано, подсудимого оговорили торговцы за неподкупность и честное выполнение своих обязанностей. Характерна логика и стилистика редакционного комментария: «И мы... были просто убеждены: в родном Иркутске, где к китайским “бизнесменам” вполне определенное отношение, к делу капитана Улаханова наши правоохранители отнесутся взвешенно, объективно, ведь все вздорные обвинения строились на основании слов “потерпевших”, заинтересованных в устранении Улаханова, а потому, мы считали, уголовное дело было обречено на немедленное закрытие. То, что произошло, не укладывается ни в какие (кроме одного) объяснения...»³⁷.

И, наконец, далеко выходящая за пределы «шанхайки», да и ситуации в Иркутске в целом, проблема нелегальной миграции. В принципе, нелегальная составляющая неизбежна в любом миграционном процессе.

Реальную угрозу для принимающего общества несут за собой ее масштабы и неумение властей контролировать ситуацию. Последнее время огромная озабоченность по этому поводу высказывается на всех уровнях государственной власти России. Проведено несколько серьезных исследований по этому поводу. Это позволяет в данной статье «вывести за скобки» глобальный аспект проблемы и сосредоточиться на «нелегалах» «шанхайки».

О масштабах проблемы, соотношении легальных и нелегальных торговцев на рынке можно только строить предположения. Теоретически, их там не должно быть вовсе – арендовать место можно только при верно оформленных документах (с временной регистрацией, визой и свидетельством о предпринимательской деятельности). Практика показывает иное. Сами администраторы рынка иногда признают, что часть арендаторов обладают весьма сомнительным правовым статусом. Главное же – об этом недвусмысленно говорят результаты регулярных проверок паспортно-визовой и миграционной служб. Обычно задерживают по несколько десятков нарушителей, помещают их в тюремный приемник-распределитель. Штрафуют, некоторых депортируют за счет бюджетных средств. Кое-кто из них вскоре вновь оказывается на «шанхайском» рынке. Стандартная ситуация, уже тысячу раз описанная в прессе, исследовательских работах, служебных документах.

Здесь же важно подчеркнуть, что нелегальность заметной части торговцев на рынке ведет к многообразным негативным последствиям. В самом общем плане, массовые нарушения иностранцами российского законодательства подрывают основы государственности. Неэффективность репрессивных форм решения проблемы дискредитирует соответствующие государственные службы. Бюджет не получает налоги. Это плохо само по себе и дает нелегалу несправедливые конкурентные преимущества. Нелегальный торговец абсолютно беззащитен перед российским и китайским криминалом, перед произволом и издевательством представителей властей. Это развращает, коррумпирует государственный аппарат. Не получив защиты государства, нелегал ищет и находит ее у криминальных структур. Это почва для того, чтобы организованная преступность приобрела основную характеристику мафии как «индустрии по производству и продаже покровительства»³⁸.

«Шанхайка» как социальный организм

До сих пор «шанхайка» рассматривалась как бы извне – с точки зрения города и городского сообщества. Но анализ будет не полным, если не попытаться взглянуть на внутреннюю жизнь этого явно сложившегося социального организма, на те подспудные процессы, которые в нем происходят. Это трудно – современный российский бизнес, мигрантские сообщества – чрезвычайно закрытые миры. Оттуда поступает мало информации, она обрывочна и противоречива. О многих процессах и явлениях приходится строить предположения, основывая их на шаткой фактической основе.

Однако, жизнь рынка протекает не гладко, внутренние противоречия нередко выливаются в открытые конфликты – а это способствует информационным «выбросам». Проблема обсуждается во властных структурах, общественных организациях, в том числе китайских. Один из соавторов, профессиональный журналист, взяв в свое время серию интервью у чиновников, администраторов рынка, китайских предпринимателей и общественных деятелей. Они опубликованы³⁹. За жизнью рынка пристально смотрит иркутская пресса – а это одновременно и носитель информации, и зеркало обще-

ственных настроений, и инструмент их формирования. В общем, ситуация не безнадежна, хотя и трудна.

Внимательный посетитель рынка быстро замечает, что в этом огромном скопище народа есть система. По словам директора, «на нашем рынке существует строгое распределение по видам товара. Шапки продают в одном месте, обувь – в другом, мелкий ширпотреб – в третьем. И мы, администрация рынка, не имеем к этому никакого отношения. Это уже неведомые нам силы составляют торговцев на рынке. Есть разделение по национальному признаку в специализации на определенном виде товара. Шапки продают, в основном, русские, приезжие из Новосибирска, брюки – армяне, грузины. Дешевым ширпотребом торгуют китайцы, если ширпотреб чуть дороже – продают вьетнамцы, перекупая его у тех же китайских торговцев»⁴⁰.

Последнее обстоятельство делает неизбежным вопрос – а насколько китайским является «китайский рынок»? Уже в 1994 г., по словам журналистки, «здесь как на Ноевом ковчеге, “каждой твари по паре”... Промышляют тут торговцы разных национальностей: корейцы, китайцы, вьетнамцы, лаотяне, монголы, африканцы, арабы, афганцы, кавказцы, русские»⁴¹. Количественные соотношения менялись, уходили одни группы (лаосцы, например), приходили другие (киргизы). Накануне дефолта, в 1998 г. китайцы арендовали три 495 китайских и 485 русских торговцев. Все эти цифры давали в разное время представители администрации рынка⁴². Можно предположить, что на деле доля китайцев выше за счет практики найма местных продавщиц, которые оформляются как самостоятельные арендаторы. Кроме того, почти все корейцы, которых много на рынке, – это граждане КНР.

Таким образом, китайцы преобладают количественно. Еще важнее то, что «шанхайка» – это ключевой распределительный узел именно китайских товаров. Китайские товары, труд китайских торговцев, «китайские» цены – все это определяет общую атмосферу на рынке и твердую репутацию его как китайского у иркутян. Эта репутация – залог высокой конкурентоспособности «шанхайки». Его директор заметил по этому поводу: «Показательный момент на тему “кто есть кто на рынке когда во время недавней забастовки китайцы не работали, рынок опустел. Покупатели не воспринимают “Шанхай” без китайцев»⁴³.

Местные торговцы часто жалуются на то, что администрация рынка пренебрегает их интересами в пользу иностранцев. Характерен заголовок посвященной этому статьи «Русские хозяева “Шанхая” чувствуют себя изгоями»⁴⁴. Аргументация администрации проста: на рынке все равны и любые льготы разрушают механизм конкуренции. Кроме того, китайский характер рынка автоматически повышает доходность рабочих мест, принадлежащих русским⁴⁵.

Уже отмечалось, что видимое структурирование рынка – ряды по группам товаров и национальные блоки – сложилось не по инициативе администрации. По крайней мере, по ее утверждениям. Не в состоянии она удерживать и монополию на распределение мест. Следовательно, есть и другие силы, обладающие властью и влиянием.

В СМИ промелькнуло глухое упоминание о совете предпринимателей рынка⁴⁶, но, судя по всему, орган этот вряд ли обладает реальным влиянием.

Видимо, такой властью являются неформальные лидеры, «капитаны» по распространенному определению иркутской прессы. Как правило, они хорошо владеют русским языком и имеют опыт общения с властями. В

³⁸ Gambetta D. The Sicilian Mafia. The Business of Private Protection. Cambridge: Harvard Univ. press, 1993

³⁹ Кузнецов Р. Исповедь китайского «капитана» // Восточно-Сибирская Свежая, 2000, 14 февраля; Кузнецов Р. Шанхайские бунты: мафия делит сферы влияния на рынке // Что почем. 1999, 16 декабря; Кузнецов Р. Беспрецедентно: бунт на шанхайке в центре Иркутска // Московский комсомолец в Иркутске, 1999, № 48, 9 декабря; Кузнецов Р. О бедном китайце замолвите слово // Пятница, 2000, 10 марта.

⁴⁰ Что почем, 1999, 16 декабря.

⁴¹ Лыкова М. Время «челноков» на исходе // Вечерний Иркутск, 1995, 22 апреля.

⁴² СМ-Номер один, 1998, 21 октября; 2002, 28 марта; Иркутская торговая газета, 2003, 15 апреля.

⁴³ Пятница, 2002, 1 февраля.

⁴⁴ Пятница, 2002, 8 февраля.

⁴⁵ Иркутская торговая газета, 2003, 15 апреля; Иркутск, 2003, 18 апреля.

⁴⁶ АС Байкал ТВ, 2003, 6 марта.

⁴⁷ Что почем, 1999, 16 декабря.

⁴⁸ Богданов Л. Вымогатель в полицейском мундире // Восточно-Сибирская правда, 2001, 12 марта.

⁴⁹ Иркутск, 2003, 18 апреля; Пятница, 2003, 11 апреля; СМ-Номер один, 2003, 10 апреля; Восточно-Сибирская правда, 2003, 13 мая.

⁵⁰ Комитет по Информационной политике и внешним связям г. Иркутска. О пребывании на территории города Иркутска граждан КНР и формировании в городе китайской диаспоры.

их обязанности входит сбор денег с рядовых торговцев для уплаты налогов и отчет в государственных налоговых четверти торговых мест. К 2002 г. соотношение было таково: более тысячи китайцев и корейцев, около трехсот вьетнамцев, полторы сотни кавказцев, шестьсот с небольшим русских, две сотни представители других национальностей. После реорганизации, когда число мест на рынке сократилось с 2500 до 1300, на рынке осталось органиана. Таким образом, «капитаны» аккумулируют в своих руках средства с оборота китайских торговцев, представляют интересы коммерсантов-соотечественников и берут на себя функцию защиты этих интересов. Они оказывают, также, разнообразные услуги новичкам, помогая им освоиться в чужом и незнакомом обществе.

Характерно, что представители официальной администрации рынка, комментируя конфликтные ситуации, связанные с распределением и перераспределением мест, часто подчеркивали, что принимают решения совместно с представителями китайских ассоциаций, обществ, которые они тут же называют иногда мафиями. Из их интервью видно, что это реальные игроки, с которыми необходимо считаться. Они могут делать предложения, от которых трудно отказаться⁴⁷.

Круг этих «капитанов» и их типы достоверно описать трудно. На поверхности – активность четырех зарегистрированных в Иркутске китайских национально-культурных обществ. Описание истории их возникновения, деятельности, роли в городе – предмет особого анализа. Здесь же необходимо отметить, что все они активно работают на рынке, отстаивая интересы своих кланов, вступая при этом, в жесткие конфликты друг с другом. Они ориентируются на разные группы соотечественников, обладают различными ресурсами (такими, как связи с властями КНР, например). Это реальная сила, но вряд ли единственная и, возможно, не преобладающая.

Куда большим влиянием могут обладать крупные дельцы, настоящие хозяева рабочих мест, товаров, финансовых ресурсов. На них работают или от них зависят мелкие торговцы. Они обеспечивают реальное покровительство, формируя сети «патрон – клиент». Их экономическая мощь может дополняться криминальным влиянием, как это было в случае с убитым «авторитетом».

Показательна карьера одного из таких реальных хозяев «Шанхайки». Элегантно одетый, хорошо образованный, он до приезда в Иркутск был директором вагоноремонтного завода в Шеньяне. Член КПК с восемнадцати лет. В 1994 г. занял у друзей небольшую сумму денег и приехал в Иркутск делать бизнес. Привез семью. Разбогател, добился большого влияния и авторитета. Во время дефолта потерял десятки тысяч долларов, сохранил только четыре места на рынке. Вновь встал на ноги. Прожив в Иркутске около восьми лет, уехал в Москву налаживать бизнес там. Теперь успешно перебрался в США, где содержит небольшую лавочку.

Влияние таких людей на основную массу торговцев огромно. Рядовые торговцы – это уже люди другого типа: из низов, не очень образованные, без капиталов и связей. Они готовы терпеть всяческие лишения, много и тяжело работать, довольствоваться небольшими заработками. Конечно, по сравнению с началом 90-х годов и в их среде наблюдается некоторый прогресс. Постепенно исчезает преобладавший ранее тип неуверенного, плохо одетого чужака явно крестьянского типа. Ушли в прошлое сцены на «Шанхае», когда продавцы и покупатели торговались, записывая и перечеркивая цифры на бумажке. Большинство может общаться с покупателями по-русски, некоторые выучили язык довольно хорошо. Но и возможность стремительно разбогатеть тоже ушла в прошлое. Так же как и условия для ведения мелкого самостоятельного челночного бизнеса.

Пример того, как функционирует система отношений «патрон-клиент», был продемонстрирован во время суда над налоговым полицейским. Когда «Эдик-собака» отобрал у торговца выручку, тот обратился к старшему своей группы. Затем еще десять торговцев пожаловались ему, что полицейский отобрал у них документы и вещи. При попытке договориться, старший группы был избит. После этого, как пишется в судебной хронике, «передал свои полномочия более опытному товарищу»⁴⁸. Видимо, этот уровень оказался достаточным для решения проблемы – документы и вещи были возвращены владельцам в обмен на 5000 рублей и меховую куртку. Давая показания в суде, «более опытный товарищ» рассказал, что регулярно посредничал при оплате налогов торговцами. Во всем этом видна отлаженная система отношений, строгая иерархия.

Конечно, о действенности этого механизма можно судить по косвенным признакам. Поэтому так важно описать и проанализировать уже сложившуюся практику коллективных действий. Уже несколько раз упоминалось, что острые конфликты на рынке и вокруг него выливались в забастовки торговцев, пикетирование ими администрации рынка, блокирование прилегающей улицы (одной из основных транспортных артерий города) и – как апофеоз – в массовое пикетирование зданий областной и городской администраций. В ряде случаев в акциях участвовали торговцы разных национальностей. Это говорит о возникающей иногда общности при отстаивании корпоративных интересов.

Необходимо ясно представлять, что участие в массовых акциях российского и китайского торговца имеют для них разное значение. Для россиянина это привычный, относительно действенный и безопасный инструмент решения проблем. Для китайцев, иностранных граждан, занимающихся бизнесом на весьма сомнительных правовых основаниях, а часто и пребывающих в городе «на птичьих правах», участие в «харталах» и пикетировании сопряжено с немалым риском. Особенно это касается несанкционированной демонстрации и пикетирования органов власти. Фактически, это акция политического характера – осознали это или нет ее участники. Санкции могли быть самые болезненные. На этом фоне даже огромные финансовые потери от каждого дня простоя рынка кажутся мелочью. Поэтому массовое участие предполагает, помимо мощной мотивации, высокую степень готовности и способности к самоорганизации, жесткой групповой дисциплине, наличие авторитетных лидеров, санкций за неподчинение и т.д.

Перспективы

С первых же дней существования рынка было объявлено о его временности. Об этом постоянно заявляют представители городских и областных властей, руководители пожарных, правоохранительных, санитарных служб. Обсуждение любой проблемы, связанной с «шанхайкой», начинается и заканчивается утверждением, что рынок вскоре закроют, а на его месте, согласно генеральному плану развития города, откроют многоэтажную платную автостоянку. Рефрен заголовков иркутских газет: «“Шанхайки” подлежат закрытию», «Дни “Шанхая” сочтены», «Последний срок для “Шанхая”», «“Шанхаю” осталось жить всего два года», «Китайскому рынку подписан приговор», «“Шанхай” должен покинуть Иркутск», «Милиция предлагает убрать “Шанхай” из центра города» – и так до бесконечности. При том, что от властей все требуют закрыть «эту клоаку», а те охотно обещают это сделать в самое ближайшее время – рынок живет и развивается.

Тестовой ситуацией стала эпидемия атипичной пневмонии в 2003 г. Это был прекрасный повод для атаки на рынок. В очередной раз заявили о необходимости радикально решить проблему депутаты Городской Думы. Два вице-губернатора области жестко потребовали от мэрии закрыть рынок по соображениям эпидемиологическим, а также безопасности и общественного порядка. Заместитель мэра, проинформировав, что стратегическое решение о переносе «шанхайки» принято еще в 2002 году, заявил, однако, что дело это не простое и не быстрое. Рынок дает горожанам 1,5 тысяч рабочих мест и миллионы рублей в городской бюджет. «Популизм – заявил он – не метод решения проблем “Шанхая”»⁴⁹. Фактически, это был решительный и жесткий отказ. Такой тон во взаимоотношениях городских и областных властей в последние годы крайне редок. Типично стрем-

ление избежать конфликтов, а когда это не удастся – не выносить сор из избы. Это косвенное свидетельство масштаба проблем и остроты конфликта интересов.

Таким образом, несмотря на все сложности, которые создает рынок городу, несмотря на все усилия по его закрытию, предприятие живет и процветает. Но постоянно сохраняется чувство временности, неустойчивости – и это стало серьезным экономическим фактором. Это плотина перед инвестициями, которые сняли бы большую часть проблем или значительно облегчили бы их. По мнению администрации «шанхайки», «У китайцев, здесь торгующих, дикое желание вкладывать в данную Торговую площадь. Но подвешенное состояние этой площади – будут переносить или нет – останавливает любые инициативы. Кто же будет вкладывать в 2-3-летнюю перспективу. А могла бы быть очень хорошо организованная торговая площадь»⁵⁰.

«Шанхайка» перестала быть экзотикой. Она превратилась в неотъемлемую и важную часть современной городской жизни. Стали привычными вызванные ею конфликты и проблемы. С нею связана масса самых разнородных и разнонаправленных интересов. Через «шанхайку» нередко происходит социальное самоопределение иркутян. Покупать или не покупать здесь – это символ социального статуса и престижа.

Рынок стал местом встречи культур, полем взаимной культурной адаптации, школой сосуществования и взаимодействия. Через «шанхайку» Китай становится существенным, необходимым и привычным элементом жизни современного сибирского общества. Чем ближе к ней – тем меньше этнической конфликтности.

Когда-нибудь она исчезнет. Или станет чем-то принципиально иным, непохожим на нынешнюю. Какие формы и масштабы примет тогда китайское присутствие в городе? И что станет его новым символом?